

Серия «Современное богословие»

В серию входят книги
по современному богословию
(основное, литургическое,
нравственное богословие
и другие его разделы), принадлежащие
перу выдающихся современных
авторов основных христианских
конфессий

Книги Адриенн фон Шпайр в Издательстве ББИ:

Иов
Песнь любви
Послания пророков
Притчи Господа
Раба Господня. Книга о Марии
Тайна смерти
Творение

ADRIENNE VON SPEYR

DAS GEHEIMNIS
DES TODES

JOHANNES VERLAG

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

АДРИЕНН фон ШПАЙР

Тайна смерти

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 230.111/227.12
Ш 831

Перевод: Александр Цыганков
Редактор: Андрей Данилов

Данный перевод книги Адриенн фон Шпайр
Das Geheimnis des Todes публикуется с согласия
издательства *Johannes Verlag Einsiedeln*.

Шпайр Адриенн фон
Тайна смерти / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2018. – 91 с.

ISBN 978-5-89647-369-5

Событие смерти – одно из самых загадочных в судьбе творения после грехопадения. Как это событие изменило отношения человека с Творцом и земное существование, каков смысл жизни перед лицом неизбежной смерти и каков смысл смерти в свете жизни святых, жизни Церкви, воскресения Христа, наконец, как смерть соотносится с Божьим замыслом и какая реальность таится за ее порогом? На эти и многие другие таинственные вопросы пытается ответить в этой книге автор – известный богослов-мистик и духовная дочь Бальтазара.

Верстка: Татьяна Дурнова

Обложка: Элла Раскина

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Андреа Мантенья «Мертвый Христос»
(ок. 1475-1478. Пинакотека Брера. Милан).

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Johannes Verlag Einsiedeln, Freiburg, 1953, 21989

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2018
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

I. Смерть как наказание и конец.....	1
II. Смерть как судьба.....	7
III. Предвидение смерти.....	13
IV. Смерть в Ветхом Завете.....	23
V. Смерть как деяние Бога.....	29
VI. Смерть, где твое жало?.....	37
VII. Я есть воскресение и жизнь.....	43
VIII. Смерть и Церковь.....	51
IX. Смерть и святые.....	57
X. Помазание на смерть.....	69
XI. Смерть Марии.....	79

I

Смерть как наказание и конец

При творении Бог поставил человека владельцем и властителем благого мира. Бог распространил в пространстве вещи, над которыми властвовал человек, и Бог создал временную продолжительность, которая делает возможным владение вещами. Но человек отвернулся от Бога и тем самым полностью изменил свое отношение к сотворенному. Бог отнял первоначальное пространство у человека, изгнав его из раю; Он также забрал первоначальное время у человека, подвергнув его страданиям, тяжкому труду, смерти.

Теперь, когда в человеке просыпается сознание, он обнаруживает, что вещи у него отняты и время истекает. Если он стремится следовать Божьему слову и жить по вере, он понимает, что эти лишения и разделение наложены на него как наказание, которое, однако, человек может принять в духе послушания. Он может стать неимущим ради служения Богу, ради своего искупления, вплоть до готовности принять смерть. Обладание и невинность в жизни сочетаются друг с другом точно так же, как отказ от обладания – с брэнностью, смертью и существованием в состоянии первородного греха. Бог положил начало в раю; пребывая в раю, Он встречал человека в его первоначальном состоянии, в первоначальное время, исконное время, которое никогда не истекало. День проходил, а число оставшихся дней не уменьшалось. Опыт становился на один день богаче, а жизнь не становилась на день беднее. За каждым днем восходил новый день, но это не приводило к конечности и скоротечности времени. Будущее оставалось открытым пространством.

Там, где Бог наказывает, возникает конечность: конечность и человека, и времени, ежеминутно заново ощущаемая

в конечности вещей и в отчужденности от них. Но эта конечность противоречит исконному стремлению человека: он хотел бы жить вечно, властвовать вечно, пребывать вечно пред Богом; он хотел бы всю свою жизнь провести в согласии с Богом и в установленных самим Богом отношениях с Ним. Он бы хотел осуществить это в лоне сотворенной Богом временной продолжительности. Но после грехопадения люди сознают, что они должны смириться с конечностью вещей. Конечностью отмечен не только окружающий их мир, но и они сами, она исходит от них. Их грех вмешался в Божье дело, в их собственном грехе заложен приговор к конечности.

Теперь человек живет с оглядкой на смерть. Ему не помогает то, что он не ведаёт о ее часе. Он не может жить так, словно этот час его не касается, словно он никогда для него не пробьет или как будто (раз уж ему суждено пробить) он настолько во власти Бога, что человек может жить в неведении. Напротив, он должен жить, предвидя этот час, держа его в поле зрения, признавая за ним тот же смысл, который придал ему с самого начала Бог – смысл наказания. Он должен оценить свою смерть в свете этого отношения к Богу, в тени этого отношения к греху. И во всем конечном, в каждой пережитой им разлуке он должен усматривать наказание, наложенное Богом. Из этого не следует, что во всей своей жизни он должен видеть только грех и наказание, но он должен позволить всякой вещи быть перед Богом тем, чем она должна быть. Бог изгнал человека из рая и определил ему жить с постоянным сознанием грядущей смерти. Он счел такое положение благим для человека и, стало быть, человек должен принять его как справедливое.

После того как был совершен первый грех, смерть становится внутренне необходимой. Если бы Бог не установил смерть, человек, пожалуй, вообразил бы, что каждое оскорбление, нанесенное им Богу, он сможет уладить впоследствии, и то, что он не сделал, наверстать, и уничтожить свое отпадение от Бога, вернувшись к Нему. Человек бы почувствовал, что вина и искупление ему подвластны, что он может выбирать для себя меру

наказания и покаяния, которые примирят его с Богом, если он будет в этом достаточно упорен. Иными словами, человек мог бы вообразить, что он по существу способен спасти себя сам. Благодаря смерти и ведущему к ней конечному времени Бог показал человеку, что его отпадение гораздо серьезнее, чем он себе представлял, настолько серьезнее, что ему самому его не уладить. Бог отбирает у человека время, чтобы он не мог спекулировать им. Разрушение устойчивых отношений между Богом и человеком породило мгновение, то есть однократность «сейчас» внутри преходящего времени. Мгновение возникает там, где постоянные отношения встречаются со смертью. Прежде не было никакого безвозвратного «сейчас», рассекающего временную продолжительность. В этой продолжительности происходили изменения, но они были исполнены обетования будущего и возвращения. Время находилось во «владении» человека, которое он разделял с Богом, хотя для выражения этого разделения невозможно сформулировать точный закон. Бог распоряжался как господин, но предоставлял человеку быть сораспорядителем. Теперь же есть исключительно однократные «здесь» и «сейчас». Сама форма времени указывает человеку на то, что ему суждено умереть, что его существование идет навстречу небытию, часу, которым он не распоряжается. И все – вещи, их пространство и их время – также участвует в этом самоудалении. Вещи – преходящи, существующие условия могут перестать действовать, все, что являет себя человеку, есть в то же время напоминание (предупреждение), ибо оно уже искажено. Оно меняется, обезображивается и когда-нибудь исчезнет. Все носит на себе знак бренности и смерти, но в первую очередь вины.

Прежде человеку не нужно было трудиться, чтобы сохранить свою жизнь. Теперь он вынужден противодействовать однократности и бренности. Поскольку мгновение скоротечно, он должен трудиться, пытаться вырвать мгновение из бренности, извлечь из него плод, сообщить ему некое постоянство, которое придаст ему определенную остаточную, человеческую

меру безопасности. Человек ощущает это на уровне своего телесного существования, которое устремлено к смерти. Жить для него означает «плыть против потока смерти».

Смерть – конец, и в этом смысле она тайна. Смерть не есть конец, за которым следует продолжение, восстановление. Она – просто *концы*, полное прекращение. Хотя Бог абсолютно изменил отношение человека к его жизни и окружению, Он все же не сказал ему, как поступит с ним, когда его жизнь подойдет к концу. Однако у человека есть некоторый опыт этого конца: он переживает смерть близких, он видит, как их предадут земле, он знает, что их тела разлагаются, что всякое человеческое общение с ними разорвано. Ни любовь, ни память не способны их вернуть. По ту сторону смерти, словно в пробитой смертью брешу, видимым становится лишь один – Бог. Бог, который был прежде, чем появился на свет этот человек, Бог, который сотворил и сопровождал его и который переживет его смерть так же, как переживет Он и мою смерть, и смерть каждого человека, и всех поколений. Но что делает Бог со своими умершими созданиями – тайна.

Мы можем наблюдать за тем, как человек, взрослея, выстраивает отношения с окружающей средой, с ближними и с Богом. Мы можем видеть, как каждый идет собственной дорогой – с верой или в безверии, впадая в грех или отвращаясь от него. Однако как бы ни жили люди, во что бы они ни верили, все они умирают. Исключений нет. Нет никого, кто бы ни предстал перед Божьим судом, никого, кому удалось бы вернуться в райское состояние. Мы не можем повернуть часы вспять. Мы не можем изменить мысли Бога, касающиеся его решения и тайны смерти. Кроме того, человек знает, что верующий обращает к Богу свою душу и с этим обращением отдает в распоряжение Бога все свои дела, все свое телесное существование. Когда же приходит смерть, ему суждено увидеть, как это телесное существование подвергается распаду, но не дано видеть, что происходит с верой и с духом веры и послушания. Единственное, что Бог позволяет ему зреть – это мертвое тело, а свои намерения

относительно души Он окутывает тайной. И человек, который желает вступить с Богом в отношения веры, не знает, что Бог сделает с ним. Он уверен лишь в том, что эти отношения не освобождают его от определенности смерти и неопределенности смертного часа. Он ничего не знает о возможностях собственного духа оставаться в отношениях с его плотью, он не знает и о том, будет ли способна его душа, когда тело распадется на составные элементы, поддерживать отношения с Богом, или станет ли Бог поддерживать отношения с ней. И то и другое одинаково непредставимо для него.

Смерть вызывает весьма своеобразное отношение к ближнему. Друг может смотреть на тело своего друга и видеть, чем он сам станет в довольно скором времени, а именно тем, кто больше не может ничем распорядиться и чьим телом распорядятся другие. Из чувства дружбы и уважения, в соответствии с волей умершего, если она высказана, он может сделать распоряжения относительно церемонии прощания, погребения, вопросов наследства. Однако когда он отдает эти распоряжения, он замечает, как, в сущности, неполно его знание об усопшем, как мало он знает о его сокровенных желаниях (даже если они часто говорили о смерти) и как бы он хотел сейчас расспросить его о тысячах мелочей. Тем самым он глубочайшим образом переживает всю тяжесть потери своего друга вследствие смерти. Возможно, ему кажется, что друг с укором смотрит на его неумелость, недостаток знаний, который теперь воспринимается как недостаток любви. Самое непреложное следствие смерти – не просто разлука, а неизбежное ограничение понимания, прекращение общения, диалога, любви, которая верила, что она иных масштабов. Друг мертв, но его смерть пробивает брешь в моем личном существовании. Не только потому, что моя собственная смерть становится ближе, но – и это гораздо глубже, – потому что расторгаются и распадаются взаимосвязи, очевидная уверенность и взаимопонимание. Все, что представлялось сколько-нибудь цельным, оказывается полностью фрагментарным. Всякая смерть близкого человека и, возможно,

вообще любое соприкосновение со смертью или с умиранием, которое мы наблюдаем в смене времен года, в увядании цветка, ставит человека перед его собственным концом, и это не вызывает у него радости, а, напротив, представляется темным, неразрешимым вопросом. В качестве ответа ему известно лишь то, что смерть есть наказание и потому непостижима, ибо наказание поставлено Богом в тесную взаимосвязь с виной, которая для человека, любящего и грешащего одновременно, остается чем-то чуждым и непонятным. Смерть и мысли о смерти неизбежно заставляют его взглянуть на персональное существование как на существование, отмеченное грехом и наказанием.

Он также видит, что умерший, который лелеял множество надежд, строил планы, начинал работу, оставил после своего ухода все незавершенным. Из-за этого труд его приобретает сомнительную окраску, а поскольку в труде выражается намерение трудящегося, то это свойство переносится и на него самого. Мы узнаем, что влияние смерти простирается дальше, чем предполагает человек: оно касается не только тела, оно затрагивает все человеческие планы, все помыслы. Даже если дело усопшего будет продолжено другими, невозможно, чтобы где бы то ни было не обнаружился разрыв, вызванный смертью. Наказание, заключенное в смерти, проявляется не только в умирающем человеке, но столь же явно и на всем, что его окружало, что было с ним связано. Так как отношение человека к Богу в вере предполагает личное отношение Бога к человеку, то смерть носит не только анонимный характер (который бы затрагивал человека лишь как представителя вида), она приводит также к тому, что и личные дела человека находят личный, неповторимый конец. То, что он сделал, не может быть продолжено никаким анонимом. В смерти всегда заключена окончательность. Мы не можем подсчитать смерти и восполнить их равным числом рождений. Эти индивидуальные жизни – и тем сильнее, чем больше их личный вклад – распространяют знаки смерти среди человечества, которые ничто неспособно стереть. Ибо наказание не то же самое, что искупление.